

"Искусство", 1961, 20 сентября

ДНЕВНИК ИСКУССТВ

Смелый эксперимент

«Ночной город» — новый балет Большого театра. Его музыка принадлежит перу замечательного венгерского композитора Бела Бартока.

Но, могут сказать, у Бартока нет такого произведения. Известен его балет «Чудесный мандарин». Все правильно. Новый спектакль «Ночной город» сочинен на старую музыку «Чудесного мандарина».

Что же побудило опытного балетмейстера Л. Лавровского стать на путь кардинальной перестройки сюжета, путь, в принципе идущий вразрез с традициями русского хореографического театра? Ответ на вопрос дает знакомство с содержанием «Чудесного мандарина».

...Грязный притон. Здесь хозяйничают убийцы, сутенер, гиттитутка. Коварный удар ножа обрывает жизнь неосторожных посетителей. Чары ночной красавицы завлекают сюда богатого мандарина. Его ждет участь остальных, но... ни нож, ни веревка не «берут» мандарина: неутоленная страсть делает его бессмертным. Лишь утолив страсть, он умирает...

Неприкрытая сексуальная взвинченность, поэтизация кошмаров, фрейдистская ирреальность чувствований шокировали даже буржуазную публику — «Чудесный мандарин» не задерживался на европейских сценах. Чтобы возродить к жизни прекрасную музыку Бартока, поневоле необходимы были решительные меры.

«Ночной город» прямо и принципиально противоположен того рода балетным спектаклям, суть которых очень точно выражает поговорка древних: «Когда люди не умеют делать красиво, они делают

богато». Лавровский расчистил сцену от бутфорского хлама и отдал ее в безраздельную власть танцу и краскам. Пластическая выразительность и живописная мощь музыки Бартока вырвались на простор, обрели необходимую свободу. В примолненной остроте контуров художник В. Рыдник хотел передать обобщенный образ капиталистического города.

В этот интерьер балетмейстер вписывает короткую новеллу о судьбе несчастной девушки, которая на мгновение дотрогнулась до счастья...

Лавровский прочел партитуру Бартока как талантливый хореограф и тонкий музыкант. В своем либретто он искал общих опорных точек с либретто «Чудесного мандарина». Его картины, лучше даже сказать мгновенные зарисовки ночного города своей жесткой прямой и лаконичной убедительностью вызывают в памяти непревзойденные образы Франса Мазерсееля. Как и в листах великого бельгийского гравера, тут нет мелкой бытовой суетности — хореографическая «проза» уступила место языку плаката, броской выразительности карикатуриста.

...Словно потерявшая управление лодка в разбушевавшемся море, мечется маленькая, хрупкая девушка от одной витрины к другой. Всюду, как Медный всадник пушкинскому Евгению, ей чудится недавно убитый господин. Но раз подняв глаза, она видит перед собой простого парня в рабочем комбинезоне. В безжалостной трагедии действительности возникает светлое лирическое интермеццо. Но если в обрисовке остальных героев балетмейстер идет к обоб-

щению от правды индивидуально-го характера, то юноша от начала до конца остается фигурой чисто абстрактной, лишенной ка-

ких бы то ни было человеческих черт. Просчет усугубляет актер — М. Лиена до невозможности

монументален, картинен. Это словно шевелящаяся бронза. Жаль. Поэтому что в паре с Н. Тимофеевой мог возникнуть прелестный дуэт расцветающей любви. Молодая балерина не везде осваивает непривычные ритмы музыки Бартока, но в заключительных сценах обнаруживает дарование большой драматической актрисы. ...Последний танец. Танец — вопль отчаяния вперемешку с негодованием. Укаса перед жизнью и жаждой жизни. Проклятие этим глухим стенам, украшавшим свет, солнце, голубое небо, дневные радости. Надежда вырваться из мира страшных слов и еще более страшных пробуждений...

Творческий успех рождается смелой и дерзкой мыслью. «Ночной город» — исключение из общего правила. Эксперимент. В данном случае он удался. Этому стоит порадоваться.

Анд. ДЬЯКОНОВ.